

1977, 19 окт

«МАСТЕРА ИСКУССТВ»

КИРИЛЛ ЛАВРОВ

СРЕДА, 26 ОКТЯБРЯ, 1 ПРИГРАММА, 21.30:
«ВОСТОК» — 19.30

Передачи, посвященные творчеству мастеров искусства, как правило, вызывают широкий отклик телезрителей. В их письмах не только раздумья об увиденном, но и заявки на следующие передачи. Одно из таких писем пришло в редакцию от инженера управления «Саратовэнерго» Н. С. Пузиной: «Весьма интересно увидеть лучших актеров театра и кино на экране, послушать их рассказы о собственном творчестве, о задачах и проблемах современного искусства. Один из значительных актеров современного театра — Кирилл Лавров. Меня особенно поразило его исполнение роли Главного конструктора в фильме «Укрощение огня». Хотелось бы услышать рассказ Лаврова об этом фильме. Хотя прошло более четырех лет с момента выхода фильма на экраны, интерес к нему не падает». Разговор с актером Ленинградского Большого драматического театра имени Горького, народным артистом СССР К. Ю. Лавровым начался с этого письма.

— Пользуясь случаем, — сказал К. Лавров, — хочу поблагодарить зрителей, которые пишут мне письма, делаясь впечатлениями о сыгранных мною ролях в кино, в театре. Я благодарен и за теплые слова, и за критические замечания — все это помогает в работе. А теперь о роли Башкирцева в фильме «Укрощение огня». Именно так зовут главного героя фильма. Но, создавая этот образ, мы (автор сценария и режиссер Даниил Храбровицкий и я) имели в виду одного человека: Сергея Павловича Королева — подлинного героя наших дней, удивительного человека, внесшего неоценимый вклад в создание и развитие космической науки и техники нашей страны.

— Прототип вашего героя не остался тайной и для зрителей. И многие интересуются: в чем же особенность работы над ролью, когда герой фильма — конкретное историческое лицо?

— Я перечитал почти все, что написано о Сергее Павловиче. Очень много разговаривал с людьми, которые хорошо знали его, долго работали с Королевым. Но у каждого из них сложился свой образ Главного конструктора. Для меня же было важно изучить не только биографию Сергея Павловича, но и распорядок его рабочего дня, его склонности, его привязанности, его привычки. И обаяние этого человека оказалось таким большим, что я до сих пор нахожусь под его огромным воздействием. Но в картине я не пытался изображать Королева. Задача была иной: на основе понимания этой личности воссоздать те черты характера Королева, которые, как мне кажется, были главными для него. Первое. В этом удивительном человеке сочетались многие таланты: большой ученый, великолепный инженер-конструктор, блистательный организатор. И второе. Человек немислимой самоотверженности в работе, он был романтиком в душе. И вот эта самоотдача, которая сочетается с романтическим отношением к своей профессии, сохранилась, я знаю, и до сих пор в людях, которые продолжают дело Сергея Павловича Королева.

— Ну, а как вы работаете в тех случаях, когда роль не имеет конкретного прототипа?

— Для меня лично (да думаю, что и для других) очень важен запас жизненных наблюдений — то, что образно называется «внутренней записной книжкой». В этом смысле мне, можно сказать, просто повезло. Я до работы в театре восемь лет служил в армии, из них пять лет — на Курильских островах. Это

большая часть жизни. И огромный опыт...

Но хочется сказать, что в работе над ролями накопленный материал наблюдений является только основой, шкатулкой, из которой что-то берешь для одной роли, что-то — для другой. Многие зависят от актерской фантазии, а главное — от того, что ты хочешь сказать своим зрителям. Многие зависят от режиссера спектакля, особенно от такого, как художественный руководитель нашего театра, замечательный режиссер Георгий Александрович Товстоногов.

Помню, как Георгий Александрович сначала дал мне основу для работы над ролью Молчалина в «Горе от ума», а потом уж «завертелась» моя собственная фантазия. Так вот: нам представлялось интересным изображать Молчалина таким, каким на первый взгляд он выглядит у Грибоедова: «услужлив, скромный, в лице румянец есть...» Нам показалось, что Молчалин — это целое явление, явление настолько сложное и опасное, что бороться с ним надо, как с серьезным противником. Что Молчалин — сильная личность, человек, знающий себе цену. Он понимает, что без него Фамусов существовать просто невозможно. Отсюда его наглость и его высокомерное отношение к Чацкому, чувство превосходства над ним.

— Кирилл Юрьевич, вот зашла речь об отрицательном персонаже... Как вы выражаете свое отношение к подобным ролям?

— Ну, прежде всего, невозможно изображать свое отношение к роли: смотрите, мол, какой я плохой, не любите меня. Какой был бы толк, если бы я, играя, скажем, Городничего, демонстрировал бы свое отношение к нему? Гоголь такой задачи не ставил, когда писал это произведение. Он просто хотел понять, как «человек, рожденный для высокого, становится мучителем и душеителем ближнего». И для меня Городничий — не только мучитель, но и жертва. Жертва того строя, в котором он появился и сформировался. И когда в конце спектакля моего Городничего (так мне говорят) немного жалко, я не считаю это ошибкой. Я всегда стараюсь «оправдать» своего героя, раз его играю, «становлюсь им». Трудно было найти оправдание поступкам Соленого в «Трех сестрах» А. П. Чехова. Но, вероятно, совершая самый неблагоприятный поступок, каждый человек внутренне как-то себя оправдывает. Редко находится человек, который может сказать о себе: «Я сейчас сделаю подлость». Он оправдывает это каким-то обстоятельством,

какой-то необходимостью. И вот Соленого я попытался оправдать огромной всепоглощающей любовью к Ирине. Мне казалось, что по сути своей это человек очень, чересчур скромный, неуклюжий, ранимый. Он обожает Ирину, все время пытается привлечь ее внимание и... совершает глупости. Сам мучительно переживает, пытается исправить эту глупость и совершает следующую. В конце концов он попадает в такое положение, когда вынужден идти на дуэль.

— А после премьеры работа над ролью продолжается?

— Для меня никогда не хватает репетиционного периода. К премьере, как правило, подхожу с множеством недоработок. Своих гостей зову только на десятый спектакль, не раньше. Но и после десятого, и после двадцатого представления спектакля работа не застывает. Был у нас в театре спектакль, который мы очень любили. Основная наша тройка — Юрский, Басилашвили и я — мы сыграли «Океан» более 300 раз. И каждый раз он шел как первый. И каждый раз мы играли его по-разному. На каждом спектакле была свежесть взаимоотношений, какие-то новые внутренние повороты. Хотя по внешней форме это был устоявшийся спектакль, играть в нем было всегда интересно нам, актерам, а зритель каждый раз присутствовал на «живом» спектакле. И вообще — на сцене, как в жизни. Каждый раз — новое, каждый раз — желание разобраться в происходящем, размышление о жизни. И окрыляешься, когда к твоим раздумьям о ней подключается зритель. Когда в конце спектакля «Протокол одного заседания» А. Гельмана обращаешься в зрительный зал и говоришь: «Кто за предложение коммуниста Потапова — прошу поднять руки», — с радостью и актерским удовлетворением видишь, как поднимаются руки зрителей, голосующих за предложение Потапова. Я принимаю это как главную нравственную ценность спектакля, а значит, и своей работы тоже.

* * *

В передачу включены сцены из спектаклей Ленинградского Большого драматического театра «Протокол одного заседания» А. Гельмана, «Прошлым летом в Чулимске» А. Вампилова, «Мещанин» А. М. Горького, «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, а также фрагменты из фильмов «Братья Карамазовы», «Живые и мертвые». Интервью взяла Н. БОГДАНОВА